

Всемирная иллюстрация

A decorative illustration featuring two cherubs (putti) standing on either side of a globe. The cherubs are depicted in a dynamic, dancing pose, with one arm raised and the other holding the globe. The globe is positioned in the center, showing a map of the world. The entire scene is framed by ornate, swirling lines and floral motifs.

№ 1135. Годъ XXII.]

20-го октября 1890 г.

[Томъ XLIV. № 17.

При этом N г. подписчикам "Всемирной Иллюстрации" рассылается N 20-й журнал

"ТРУД"

СОДЕРЖАНИЕ N 20-го ЖУРНАЛА "ТРУД": — Г. Минах, баш. *Бс. Умелый*. — П. *Перед разлукой*, стихотворение К. К. Сурганова. — III. *Выходы уголовной администрации*, Гавриил Златов. — IV. *Будническая жизнь*, очерк И. П. Дроздовича. — V. *Адам-Муравь*, повесть гр. И. И. Бутурлина. — VI. *Ангелиста картин* В. И. Жемчужной. — VII. *Нюсское сердце*, роман Шам Буросе.

Литературная летопись

"Русская Мысль", "Русское Обозрение" — сентябрь

Как будто что-то неладное творится с нашими молодыми, подающими большие надежды, талантами. Вот, хотя бы, например, гг. Чехов и Короленко: поэт нескольких бесспорно талантливых вещей, за которыми должны были возникнуть еще более талантливые, оба писателя обомлелись произведениями, далеко не соответствующими их таланту: г. Чехов написал свою "Степную историю", г. Короленко дал "Пророка и студентов" и "С двух сторон" — вещи совсем слабые; а потому оба они забавлялись по части беллетристики из строгого смысла слова и обратились к освоению этнографии. Отдались это, переданным, поэт которых писатели собираются "ухватить Европу", или сознание своего бессилия, начало конца? — не знаем. Но факт налицо: один писал не так давно корреспонденции из Сибири, ропо ничего не выражаясь, другой воспел отца Павлово, лежащее над Окой, и дилетантскими впечатлениями с читателями "Русской Мысли", где, из сентиментальной книжки, они напечатаны, тогда заглавие "Павловские очерки". Но... мы истории не знаем; мы сказали обо всем, этого только к слову и оставим, из кокой г. Чехова, займемся новым произведением г. Короленко. Его "Павловские очерки" еще не читаны: пока помещены вступление и первый очерк. На скучно? Автор был к с Павлов равней осенью и зимой прошлого года, присматривался к порядкам этого кустарного села и вынес впечатлений довольно скверных. Из первую свою побудку он услышал от какого-то старика, что "Павлово бухает, бухает, а толку мало", и походит в этом случае на треснувший, разбитый колокол папской церкви. Автор мучил вопрос: неужели старик, провинивший себя своей вбл, сказать правду, неужели Павлово — один из предместов нашей национальной гордости, один из ослепов нашей самобытности против вторжения чуждого строя, из самых дель бухает без толку предостережить надвигающимся храпом? неужели и из этого "кустарного" бытовою строй тоже есть своя зигзага трещина, как в колокол? Оказалось, что старик был прав. Село Павлово работает на славу и из смысла количества производства, и из смысла качества кустарных изделий, но кустари, можно сказать, бедствуют, продавая своей работе земли, ноги и проч. скучникам по самым низким ценам, да еще ради бытовых, если и нивомею продукты, так как иногда приходится оставлять изделия у себя до следующей недели "скупки", потому что их не берут. Автор недурно рисует весь парадокс, всю процедуру скупки, разговоры, сцены, фигуры скучников, наконец одну из форм павловского кредита, заключающаяся в том, что муж оставляет на несколько часов под залог свою заповную супругу у благодетеля, ссужающего кустари деньгами на неделю; супруга должна ждать у крыльца ростовщика и мер-

нуть на холоде, пока муж даст товар скучнику, получить деньги и продать ее выкупить. Из описаний всех особенностей павловского кустарного быта чувствуется талантливый беллетрист, но вместе чувствуется крайнее поверхностное отношение к предмету наблюдения; автор словно "à vol d'oiseau" обозрывает любопытное село с его любопытными порядками, довольствуется рассказом первого встречного деревенского остряка, его личными впечатлениями, и на основании довольно легковесного материала делает свои заключения. Чтобы узнать, как складует, человек, надо с ним да под суда сидеть — говорит народная мудрость. А чтобы узнать хорошо дело, какое ни на есть, надо очень близко к нему присмотреться. Г. Короленко день-другой топтался из села, во время "скупки" послушал разглагольствований какого-то Австрия — и уже торопится делать обобщения. Кто-то соблазнул его, что цены на кустарные изделия из Павлова сильно понизились по причине нагнания из села евреев — и г. Короленко обими руками ухватился за это сообщение. Его соблазнование, конечно, пришлось по вкусу и жидкам, и жидофильам, которые и поспешили выдать за это г. Короленко патент на талантливость, добросовестное отношение к еврейскому вопросу и проч. А г. Короленко не потрудился даже скольконибудь проверить сообщения и, став на идеологическую точку зрения, очень недоброжелательно натягивает факты для доказательства, что при еврейских павловских кустари благожелательны, а без евреев чуть не в голода ухитряют. В общем получается впечатлительное чего-то сочиненное, тенденциозное. "Et voilà justement e même on écrit l'histoire!" И вот как сочиняется этнография!

Вот о д. Н. Махнин (Сибиряк) мы не можем сказать того, что сказали о г. Короленко. Г. Махнин долго и очень добросовестно изучает то, о чем намеренся писать. Мы уже несколько раз указывали на эти прекрасные качества его, как беллетриста-этнографа, особенно по поводу его уральской этнографии "Три конца". В нынешней книжке "Русской Мысли" это указательная вещь окончена. Написания муросских заводов, не желавшие ничего знать о новых условиях заводского труда и думавшие только об одном доходе, подготовили сами катастрофу. Они сбили Луку Назарича, главного управляющего, и прислали на его место какого-то Голковского. Это был заводчик дилетант совершенно нового типа, еще неизвестный на Урале, человек аккуртный в смысле канцеляризма, но бездумный, сноровящий на рабочую силу, как на машину — и только; во его мнению, каждая такая машина стоит столько-то, должна давать известный процент выгоды работы, а раз этого нет — ее следует выкинуть за борт. И когда Петр Елисевич Мухин говорил ему, что рабочие — прежде всего люди, у которых есть свои самобытные, истинные традиции, наконец, просто человеческое достоинство, и что этих сторон не следует трогать, — Голковский возражал, что это сантиментализм. Кривостынь Лука Назарич — и тот возмущенный новыми порядками Голковского, который уводил лучшие силы завода направо и налево и в неужоимый год признавал поставщиков и положительно разорял заводское население, толкнул, что "принцип — прежде всего". "Послушайте меня, старина", говорил ему Лука Назарич: — "опомнитесь. Виде это похуже христианского права, ежели узи никакого житья не стало... Мы и наказывали, мы и жалби при слало. Тоже в каждом своя совесть есть". Но Голковский не опомнился, и заводы остановились, жила "опустынилась; картина получалась ужасная, точно вид поленого разгрома: почти все мужское население разбредлось, побоясь дома и семьи. Мухин не выдержал: он видел, как у завода живая сила, складывавшаяся здесь годами, как все жертвоу, разваливалось, — и сошел с ума. Его дочь Норочка поэт годования его смерти вышла замуж за Весо, сына бывшего богача Самойла Евтихевича Груданца, и сдалась народной учительницей. Сам же Груданец ушел из раскольников скиты замалывая грехи. А все заводы из Муросей

за долги ушли с молотка и достались какой-то безымянной компании, приспособившей их в разорочку. Компания тотчас заложила их в банк и поддерживала фабрики лишь для видности. Все три конца перестали раскольников жилились на православных и бросали старую веру, а обитатели ключевского и мочангского концов уходили в раскольничью веру. Эта последняя, шестая часть написана также интересно, coloritно; картина разорения вышла яркая, преисполненная драматизма. По нашему мнению, "Три конца" являются одною из самых выдающихся вещей из беллетристики текущего года.

В этой же книжке окончены и "Очерки быта восточной Сибири" г. Астрына, который пришел к заключению, что так как Сибирь служит местом встречи самых разнообразных элементов русского общества, то и жилищные типы и по внешнему облику, и по нравственным качествам и умственному развитию крайне отличны друг от друга: из одних мест отличны более молчаливые, незлобные, жестокие, в другом — менее; здесь они равнодушны к богатству, там — сити и видят, как бы разжиться, и проч. Нравственная несовершенство смышленой массы, по мнению г. Астрына, не представляет собой чего либо угрожающего для коренного сибирского населения, и без того воспитанного из школ жестокого ко всему окружающему индивидуализма; по смыслу предло действует, хотя и в скрытой форме, на коренных сибирских типах, что она доставляет им жиную почу для развития их эгоистических наклонностей" и "значительно притупляет в местных населения и без того нездоровый альтруистический чувства". Заслуживает интереса и опоченная уже статья г-жи Ватсон, Португалии и ее литературы, где весьма недурно сказано характеристик Антонию де-Кастилью, классика и канализаторного романтика, Герулау де-Кастилью, поэта-философа, добросовестного историка и довольно глубокого мыслителя. Мендеса Желли, писателя "на все руки", и других менее замечательных литературных деятелей этого малованого государства. Отметим еще и довольно обстоятельную статью д-ра А. П. Скребицкого "Морская зоологическая станция в Неаполе", живую и интересную. Стихи этой книжки очень неважны. Д. С. Мережковский дал очень бавальную аллюзию бездлущку, которая представляет почти сколок из местного старинного романа. "Не отходи от меня, друг мой, остань со мной", горлозо было востичное; а какой-то некормый г. Ланц в своем безжизненном прозаическом переводе из Лисьяна Пате (Пате) успешно конкурирует с г-ж Чюминой.

С большим интересом и влассудением прочли мы новое произведение И. И. Яниского, повесть из писем "Современники", довольно удачно ухитряющую собой сентиментальную книжку "Русского Обозрения". Это одна из крупнейших вещей г. Яниского и по замыслу, и по идее, и по исполнению среди произведений последнего, второго периода его литературной деятельности. Это вещь совершенно новая, свежая, и чрезвычайно яркая, такая, каких давно не читали г. Яниский. Поэт Пелевелев постоянно концентрирует своеобразной стихотворной формой и доводил ее до виртуозности, словно говоря, что это ему нивомею. Автор "Современники" как бы наоборот, желая шегольнуть, выбрал для этой повести форму эпистолярную, самую трудную, самую рисковую, и вышел победителем. Притом он не пошел и тут вслэд за другими: обыкновенно романисты заставляют переписываться двух-трех лиц, а у г. Янисского идет перекрестная переписка почти всех действующих лиц повести, что чрезвычайно разнообразит чтение, притом эта переписка отличается необыкновенной живостью, свободой, естественностью и сохраняет индивидуальны черты каждого автора того или другого письма. Таковы вытнны достоинства повой повести г. Янисского; содержание ее заключается в следующем. Доктор Евдоким Евдокимович Писелов получил место при больнице в Мологах — город, возникающий из ничтожного местечка, благода-

ря желѣзнодорожной вѣтви, „пересѣкающей главную питательную артерію какъ разъ въ томъ пунктѣ, гдѣ пріютились Мологи“. Здѣсь онъ не довольствуется скромной ролью врача, но, задавшись цѣлью разбогатѣть, такъ какъ, по его мнѣнію, „деньги — это энергія, на которой зиждется свобода личности“ и все счастье человѣка, дѣятельно работаетъ въ этомъ направленіи. Онъ дѣлается компаньономъ жида Шмульзона, главного подрядчика и строителя новой дороги, собственника трети ея акцій, царящаго въ Мологахъ, преуспѣваетъ въ биржевой игрѣ и находится уже на пути къ богатству, ему везетъ, онъ нахваталъ десятки тысячъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Чтобы ускорить процессъ наживы, онъ готовъ даже на преступленіе — медленнымъ ядомъ отравить Шмульзона и жениться на его милліонахъ, на его женѣ Сарѣ, красивой и эгоистичной жидовкѣ, которая страстно влюблена въ Пospѣлова. Но чувство любви, котораго не признавалъ теоретикъ-докторъ, охватило его неожиданно съ страшною силой и спасло его; это чувство внушила ему дочь небогатыхъ родителей Вѣра Розова, чистое очаровательное созданіе. „Непостижимо сердце! — говорить въ своемъ послѣднемъ письмѣ докторъ: — оно казалось мнѣ, какъ и многое, предразсудкомъ. Я убѣдился, что оно есть — оно согрѣло мою жизнь, и ледяная глыба стала таять подъ лучами вдругъ вспыхнувшей зари любви... Мнѣ кажется, что міръ захлебнулся бы въ своей собственной крови и давно погибъ бы, еслибы не цвѣли цвѣты въ затишьѣ роцъ, и еслибы дѣвушки не плели себѣ изъ нихъ вѣнковъ“. Въ Вѣрочку Розову, по своему, влюбился и подчиненный Пospѣлова, фельдшеръ Панфилъ Стыценковъ, изъ купеческаго званія. Онъ затаилъ злобу противъ доктора, особенно послѣ того какъ послѣдній ударилъ его за глупое письмо къ Вѣрочкѣ; и такъ какъ ничтожныя величины играютъ важную роль въ жизни, то и Панфилъ Стыценковъ явился причиною гибели сильнаго человѣка — Пospѣлова: когда докторъ за выходку Панфила объявилъ ему, что арестуетъ его и отправить въ психіатрическую лечебницу, взбалмошный дуракъ выстрѣлилъ въ доктора изъ револьвера въ упоръ. Пospѣловъ умеръ, передъ смертью обручившись съ Вѣрой Розовой, отказавъ ей большую часть своего состоянія, умеръ, простивъ Панфила и не измѣнивъ себѣ въ смыслѣ силы характера, съ большимъ хладнокровіемъ разставаясь съ жизнью. Г. Ясинскій въ новой повѣсти своей далъ намъ совершенно новый цѣльный типъ въ лицѣ Пospѣлова — истиннаго сына своего времени. Пospѣловъ — теоретикъ до мозга костей, проводящій въ жизнь свои собственные теоріи условной нравственности или, лучше сказать, „законной безнравственности“, и приспособленія къ нравамъ эпохи, съ замѣчательной логичностью, послѣдовательностью, неокрушимой энергіей. Онъ презираетъ самъ тѣхъ, кто наживаетъ милліоны на такихъ аренахъ, гдѣ надо обирать товарищей, эксплуатировать ихъ и на пяточкахъ бѣдняковъ созидать свое благополучіе, но не безъ цинизма современнаго дѣльца онъ прямо говоритъ, что „грабить и будетъ грабить свои богатства на большой биржевой дорогѣ, гдѣ грабежъ узаконенъ, и гдѣ нѣтъ друзей, нѣтъ традицій чести, нѣтъ и не можетъ быть упрековъ въ заѣданіи чужой жизни и въ эксплуатациі чужаго таланта...“ Единственный способъ разбогатѣть, по его понятіямъ, и не знать угрызений совѣсти — это коммерческій. Пospѣловъ необыкновенно сильный человѣкъ, умница, настоящій интеллигентъ; это глубокозадуманный типъ, превосходно выношенный въ умѣ и въ сердцѣ художника... Остальныя вещи въ томъ же журналѣ показались намъ сѣрыми, убогими; вотъ почему мы ни о чемъ больше говорить теперь и не будемъ.